

801-15
2042

ИСЛАМЪ и НАУКА

Рѣчь, произнесенная

ЭРНЕСТОМЪ РЕНАНОМЪ

въ собраніи „Научной Французской Ассоціаціи“, (основанной въ 1861 г. Деверье), бывшемъ 29 Марта въ большомъ Сорбоннскомъ амфитеатрѣ.

ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСѢЯ ВѢДРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1883

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 іюля 1883 года.

45908-0

3

Милостивыя государыни

и милостивые государи!

Испытавши уже неоднократно благосклонное вниманіе этой аудиторіи, я рѣшаюсь затронуть сегодня передъ вами трудный вопросъ, въ которомъ преобладаютъ едва замѣтные нюансы; между ними однако долженъ смѣло ориентироваться тотъ, кто захотѣлъ бы вывести историческую науку изъ области положеній недосказанныхъ, приблизительныхъ. Неточное употребленіе названій народовъ и племенъ при изученіи исторіи почти всегда приводитъ къ недоразумѣніямъ. Такъ говорятъ о Грекахъ, Римлянахъ, Арабахъ, какъ будто бы эти слова означали группы людей, всегда самимъ себѣ тождественныя, не обращаютъ никакого вниманія на тѣ перемѣны, которыя въ нихъ произвели военныя, религіозныя и лингвистическія побѣды, мода и всевозможныя великія теченія, проходившія чрезъ исторію человѣчества. Нельзя вдвинуть дѣйствительность въ столь простыя категоріи. Напримѣръ, мы Французы, мы — Римляне по языку, Греки по цивилизаціи, Евреи — по религіи. Фактъ происхожденія, самый важный въ началѣ, постепенно теряетъ свое значеніе по мѣрѣ того, какъ великіе исто-

рические факты, именуемые греческимъ владычествомъ, римскимъ владычествомъ, германскимъ владычествомъ, христіанствомъ, исламомъ, возрожденіемъ, философіей и революціей, по мѣрѣ того, какъ эти событія подобно мельничнымъ жерновамъ перетираютъ первобытныя разнovidности человѣческой семьи, заставляя ихъ слиться въ болѣе или менѣе однородныя массы. Я попытаюсь разобрать сегодня въ одномъ изъ самыхъ рѣзкихъ смѣшеній понятій этого рода; я имѣю въ виду неясность и неточность, заключающихся въ словахъ: арабская наука, арабская философія, арабское искусство, мусульманская наука, мусульманская цивилизація. Изъ неопредѣленности понятій по этому предмету проистекло множество невѣрныхъ сужденій и даже нѣсколько довольно важныхъ практическихъ ошибокъ.

Современная слабость мусульманскихъ странъ очевидна каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ дѣлъ; совершенно очевидны упадокъ тѣхъ государствъ, гдѣ царитъ исламъ, интеллектуальное ничтожество тѣхъ племенъ, которые обязаны своей культурой и образованіемъ исключительно этой религіи. Всѣхъ, кто бывалъ на востокѣ или въ Африкѣ, поражала какая-то неизбежная ограниченность каждаго правовѣрнаго: точно желѣзные тиски стягиваютъ ему голову и дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ къ наукѣ, неспособнымъ выучиться чему-бы то ни было, воспринять какую-бы то ни было новую идею. Мусульманскій ребенокъ, иногда и не безъ способностей, около десятилѣтняго или двѣнадцатилѣтняго возраста, въ эпоху своего религіознаго обученія, вдругъ становится фанатикомъ;

имъ овладѣваетъ глупая гордость, онъ думаетъ, что позналъ абсолютную истину и радуется, какъ нѣкоторой привилегіи, тому, что именно составляетъ его слабость. Эта безумная гордость — коренной недостатокъ всякаго мусульманина. Кажущаяся простота его культа внушаетъ ему ничѣмъ не оправдываемое презрѣніе къ другимъ религіямъ. Убѣжденный, что Богъ посылаетъ богатство и власть, кому вздумаетъ, не принимая въ расчетъ ни образованія, ни личныхъ заслугъ, мусульманинъ питаетъ глубочайшее презрѣніе къ образованію, къ наукѣ — словомъ ко всему, изъ чего слагается умъ Европейца. Сказанная черта проявляется такъ рѣзко, что, послѣ обращенія въ исламъ, сглаживаются всѣ племенные и національныя различія. Берберъ, Суданецъ, Кавказецъ, Афганецъ, Малаецъ, Египтянинъ и Нубіецъ, сдѣлавшись мусульманами, уже не Берберы, Суданцы, Египтяне и пр. они — мусульмане. Одна Персія составляетъ исключеніе; она сумѣла удержать свойственный ей духъ, но она заняла въ исторіи ислама особое мѣсто, и ее справедливѣе можно назвать шиитовой страной, чѣмъ мусульманской.

Чтобы смягчить печальные для ислама выводы, на которые наводитъ указанное положеніе дѣлъ, многіе замѣчаютъ, что наблюдаемый упадокъ, можетъ быть, только переходная стадія. Чтобы успокоить себя на счетъ будущаго, они вспоминаютъ о прошедшемъ. Мусульманская цивилизація, теперь столь ничтожная, была нѣкогда блестящей. Она выставила своихъ ученыхъ и философовъ. Въ теченіи вѣковъ она была наставницей христіанскаго запада. Почему-бы не повториться тому, что

уже разъ было. Въ именно о чемъ я и хотѣлъ поговорить. Существовала-ли дѣйствительно мусульманская наука, или по крайней мѣрѣ наука, допускаемая и терпимая исламомъ?

Въ тѣхъ фактахъ, на которые ссылаются защитники ислама, заключается значительная доля истины. Да, приблизительно отъ 775-го года и до половины тринадцатаго вѣка, т.-е. въ теченіи пяти столѣтій въ мусульманскихъ странахъ встрѣчаются ученые и мыслители, заслуживающіе глубокаго уваженія. Можно даже сказать, что интеллектуальная культура мусульманскаго міра была за это время выше христіанской. Необходимо точно анализировать этотъ фактъ, чтобы не выводить изъ него ошибочныхъ заключеній. Чрезвычайно важно прослѣдить исторію цивилизаціи востока вѣкъ за вѣкомъ, чтобы опредѣлить надлежащимъ образомъ роль каждаго изъ различныхъ элементовъ, которыми обуславливалось вышеприведенное временное превосходство, вскорѣ весьма рельефно утраченное.

Ничто не было болѣе чуждо всему, что зовется философіей или наукой, какъ первый вѣкъ ислама. Будучи результатомъ религіозной борьбы, которая тянулась нѣсколько столѣтій, причѣмъ въ Аравіи побѣда оспаривалась различными формами семитическаго монотеизма, исламъ рѣшительно ничего не имѣетъ общаго со всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть названо рационализмомъ или наукой. Арабскіе наѣзники применили къ нему, какъ къ предлогу для завоеваній и грабежа, и они были въ свое время первыми воинами въ мірѣ, но, конечно, они совсѣмъ не были философами. Абуль-Фараджъ, восточный

писатель тринадцатаго вѣка, очерчивая характеръ арабскаго народа, говоритъ слѣдующее: „Наука этого народа, которой онъ гордился, была наукой языка и заключалась въ знаніи его идиотизмовъ, стихотворныхъ размѣровъ и въ умѣнны хорошо писать прозой... Что же касается до философіи, то ей не научилъ его Богъ и не сдѣлалъ его къ ней пригоднымъ“. Это правда. Кочующій Арабъ менѣе, чѣмъ кто-либо, мистикъ, онъ вовсе не склоненъ къ размышленію. Для объясненія всего существующаго религіозному Арабу довольно Бога-творца, который непосредственно управляетъ міромъ и обнаруживаетъ себя человѣку черезъ пророковъ, непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ. За то, покамѣстъ исламъ былъ распространенъ лишь въ арабскомъ племени, т.-е. при первыхъ четырехъ калифахъ и при Омейядахъ, въ немъ не произошло никакого умственного движенія свѣтскаго характера. Омаръ не сжегъ александрійской бібліотеки, какъ это часто повторяли, но принципъ, которому онъ доставилъ въ мірѣ побѣду, былъ въ самомъ дѣлѣ принципомъ разрушительнымъ для научнаго изслѣдованія и вообще для всякаго интеллектуальнаго труда.

Все измѣнилось, когда около 750-го года Персія одержала верхъ; а съ нею династія потомковъ Аббаса надъ династіей Бени-Омейя. Центръ тяжести ислама былъ перенесенъ въ страну Тигра и Евфрата, гдѣ повсюду еще виднѣлись слѣды одной изъ самыхъ блестящихъ цивилизацій, когда-либо существовавшихъ на востоцкѣ, именно Персовъ, Сассанидовъ, достигшей своего апогея при Хозроѣ, Нуширванѣ. Уже нѣсколько вѣковъ искусство и промышленность процвѣтали въ тѣхъ стра-

нахъ. При Хозроѣ то же замѣчается и относительно умственной дѣятельности. Философія, изгнанная изъ Константинополя, нашла себѣ убѣжище въ Персіи; въ царствованіе Хозроя были переведены индѣйскія книги. Христіане-несторіанцы, составлявшіе главный контингентъ населенія, были знакомы съ греческой наукой и философіей; они занимались медициной; ихъ епископы были логиками и геометрами. Въ персидскихъ этическихъ сказаніяхъ временъ Сассанидовъ, Рустемъ, собираясь построить мостъ, зоветъ джаоалика (или католикоса, такъ назывались несторіанскіе патріархи или архіереи), въ качествѣ инженера.

Подобно сильному порыву вихря, исламъ круто останавливаетъ на пѣлахъ сто лѣтъ прекрасное развитіе Ирана. Но восшествіе на престолъ Аббасидовъ было какъ бы возрожденіемъ блестящаго времени Хозроевъ. Революція, возведшая на престолъ эту династію, была совершена персидскими войсками, подъ предводительствомъ персидскихъ вождей. Основатели новаго царствующаго дома Абуль-Аббасъ и въ особенности Манзуръ постоянно окружены Персами. До нѣкоторой степени они являются воскресшими Сассанидами; ихъ ближайшіе совѣтники, наставники принцевъ и первые министры — Бармекиды, весьма просвѣщенная древнеперсидская фамилія, которая осталась вѣрна національному культу — парсизму и лишь въ послѣдствіи и неохотно перешла въ мусульманство. Вскорѣ несторіане окружаютъ этихъ маловѣрующихъ калифовъ и становятся, по исключительной привилегіи, ихъ первыми врачами. Гарранъ, городъ игравшій совершенно особенную роль въ исторіи

человѣческаго развитія, остается языческимъ и сохраняетъ всѣ научныя традиціи греческой древности; онъ доставляетъ новой школѣ много ученыхъ, совершенно чуждыхъ какой-бы то ни было откровенной религіи, въ особенности много искусныхъ астрономовъ.

Багдадъ возвысился какъ столица возрождающейся Персіи. Арабскій языкъ, языкъ завоевателей не могъ быть оставленъ, также какъ не отказались совершенно отъ ихъ религіи, но духъ новой цивилизаціи былъ смѣшаннаго характера. Послѣдователи парсизма и христіане одерживали перевѣсъ; администрація и въ особенности полиція сосредоточивались въ рукахъ христіанъ. Всѣ эти блестящіе калифы, современники нашихъ Каролинговъ, Манзуръ, Гарунъ-аль-Рашидъ, Мамунъ почти не были мусульманами. Они исполняютъ внѣшніе обряды религіи, главенство въ коей имъ принадлежитъ; имъ принадлежитъ папская власть, если такъ можно выразиться, но умъ ихъ не туда направленъ. Они интересуются по преимуществу всѣмъ иностраннымъ и языческимъ: они вопрошаютъ Индію, древнюю Персію и въ особенности Грецію. Правда, что иногда мусульманскимъ шѣтистамъ удавалось возбуждать при дворѣ странныя реакціи, и калифъ становился иногда набожнымъ и жертвовалъ своими друзьями — невѣрными или свободными мыслителями; потомъ дуновение независимой, свободной мысли имѣетъ перевѣсъ, и калифъ опять призываетъ своихъ ученыхъ и товарищей пировъ, и, къ великому негодованію мусульманскихъ пуританъ, свободная жизнь продолжалась.

Такъ объясняется любопытная и чарующая багдадская цивилизація, столь живо воспроизведенная сказками

„Тысячи и одной ночи“: удивительная смѣсь официальнаго ригоризма и тайной распущенности, время молодости и непослѣдовательности, когда благодаря покровительству плохо вѣрующихъ главъ фанатической религіи, научное развитіе и веселая жизнь шли рука объ руку; когда распущенный человѣкъ всегда встрѣчалъ отличный пріемъ при дворѣ, хотя уголовный законъ грозилъ ему въ то же время самыми жестокими наказаніями. Пышнымъ цвѣтомъ распустилась свободная мысль при этихъ калифахъ, которые, если и воздвигали иногда гоненія, то всегда неохотно; мотекаллемины или спорщики устраивали собранія, гдѣ всѣ религіи обсуждались согласно съ началами разума. Я приведу, съ вашего позволенія, отчетъ объ одномъ изъ такихъ собраній, написанный святошей; вотъ онъ въ переводѣ Дози.

Кѣруанскій ученый спрашиваетъ у благочестиваго испанскаго теолога, побывавшаго въ Багдадѣ, не приходилось-ли ему тамъ бывать въ собраніяхъ „мотекаллеминовъ“. „Я былъ два раза, отвѣчалъ испанецъ, и, разумѣется, больше не пошелъ“. „Почему-же?“ „Да вотъ послушайте“, продолжаетъ путешественникъ. „На первомъ собраніи, на которомъ я былъ, присутствовали не только мусульмане, какъ правовѣрные, такъ и сектанты, но также невѣрные, гебры, матеріалисты, атеисты, евреи, христіане, словомъ сказать, было довольно невѣрующихъ всякаго рода. Каждая секта имѣла своего вожда, обязаннаго защищать ея убѣжденія, и всякій разъ, какъ одинъ изъ нихъ входилъ въ залу, всѣ почтительно вставали со своихъ мѣстъ и не сажались, пока мѣсть онъ не

сядетъ. Когда всѣ собрались, то одинъ изъ невѣрующихъ сказалъ слѣдующее: „Мы собрались, чтобы разсуждать. Вы знаете условія. Вы, мусульмане, не будете намъ приводить доводовъ, взятыхъ изъ вашей книги или основанныхъ на авторитетѣ вашего пророка, такъ какъ мы ни тому, ни другому не вѣримъ. Каждый долженъ ограничиваться доводами, почерпнутыми изъ разума“. При этихъ словахъ всѣ стали аплодировать. Вы согласитесь, продолжалъ Испанецъ, что, слышавши разъ подобныя вещи, я уже не могъ тамъ бывать. Мнѣ предложили посѣтить другое собраніе и все то же безобразіе“.

Такимъ образомъ ригоризмъ правовѣрныхъ временно бездѣйствуетъ. Послѣдствіемъ чего было настоящее философское и научное движеніе. Христіанскіе сирійскіе врачи являются какъ бы продолжателями послѣднихъ греческихъ школъ, они были хорошо знакомы съ философіей перипатетиковъ, съ математикой, медициной и астрономіей. Имъ поручили калифы перевести на арабскій языкъ энциклопедическія сочиненія Аристотеля, Евклида и Галліена, словомъ сказать, всю греческую науку, насколько ее тогда знали. Дѣятельные умы, какъ на примѣръ Алькинди, начинаютъ размышлять о тѣхъ вѣчныхъ вопросахъ, которые человѣкъ въ состояніи только возбудить, а разрѣшить не можетъ. Подобныхъ людей стали называть „фильзуфами“, (philosophos) и съ тѣхъ поръ это иностранное слово пріобрѣтаетъ дурную славу: какъ обозначающее нѣчто чуждое исламу. „Фильзуфъ“ дѣлается у мусульманъ страшнымъ прозвищемъ, оно влечетъ за собою смерть или гоненіе, также какъ „зендикъ“, а впослѣдствіи „фармазунъ“. (franc-maçon).

Надо сказать, что чистѣйшій рационализмъ возникалъ въ нѣдрахъ ислама. Образуется что-то въ родѣ философскаго общества, называвшагося „Ихванъ-эс-сафа“, „братья искренности“, которое печатаетъ философскую энциклопедію, отличающуюся разумностью и возвышенностью мысли. Вскорѣ два великихъ ученыхъ—Альфа-раби и Авиценъ заняли мѣсто между самыми всесторонними мыслителями, когда-либо существовавшими. Астрономія и алгебра достигаютъ замѣчательнаго развитія и по преимуществу въ Персіи. Химія продолжаетъ свою медленную незамѣтную работу, обнаруживая иногда свое существованіе, поразительными открытіями, какъ напри- мѣръ: дистиллированіе воды, можетъ быть даже, изобрѣ- теніе пороха. Вслѣдъ за востокомъ, начинаетъ также заниматься наукой мусульманская Испанія, причемъ дѣя- тельное сотрудничество оказываютъ Евреи. Въ двѣнад- цатомъ вѣкѣ Ибнъ-Баджа, Ибнъ-Тофайль и Аверроесъ возводятъ философскую мысль на такую высоту, какой она не достигала уже нѣсколько столѣтій.

Вотъ, въ общихъ чертахъ великое философское дви- женіе, которое обыкновенно называютъ арабскимъ, такъ какъ обращаютъ вниманіе только на языкъ; на самомъ же дѣлѣ оно было греко-сассанидскимъ. Пожалуй, пра- вильнѣе было-бы назвать его греческимъ: дѣйствительно плодотворные элементы исходили изъ древней Греціи. Греція была единственнымъ источникомъ, какъ знанія, такъ и правильнаго мышленія. Превосходство Сиріи и Багдада надъ латинскимъ западомъ происходило исклю- чительно отъ того, что имъ было ближе все завѣщанное Греціей. Въ Гарранѣ или въ Багдадѣ было легче до-

стать сочиненія Евклида, Птолемея или Аристотеля, чѣмъ въ Парижѣ. Да, если-бы Византійцы менѣ рев- ниво охраняли свои литературныя сокровища, которыя сами они въ то время не читали; если-бы уже въ вось- момъ или въ девятомъ вѣкѣ существовали Бессаріоны или Ласкарисы, тогда оказался-бы излишнимъ этотъ странный обходъ, черезъ который въ двѣнадцатомъ вѣкѣ дошла до насъ греческая наука, пройдя черезъ Сирію, Багдадъ, Кордову и Толедо. По какому-то тайному про- видѣнію, когда свѣтильникъ человѣческаго разума угасаетъ въ рукахъ одного народа, тотчасъ является дру- гой, чтобы поддержать и усилить его свѣтъ; потому-то и получаетъ характеръ первостепенной заслуги убогій трудъ этихъ бѣдныхъ Сирійцевъ, этихъ преслѣдуемыхъ „фильзуфовъ“, этихъ Гарранцевъ, которыхъ современное имъ человѣчество предавало изгнанію за ихъ скепти- цизмъ. Черезъ ихъ арабскіе переводы получила Европа труды Грековъ по философіи и наукѣ какъ животвор- ное начало, завѣщанное древностью и необходимое для развитія ея собственнаго генія.

Въ то время, какъ въ Марокко умиралъ всѣми по- кинутый послѣдній арабскій ученый — Аверроесъ, нашъ западъ вполне пробудился. Абеляръ уже провозгласилъ возрождающійся рационализмъ. Геній Европы обнару- жился, и началось то необычайное движеніе, послѣднимъ словомъ котораго будетъ полнѣйшая свобода человѣче- скаго разума. Здѣсь, на горѣ св. Женевьевы воздвигался новый алтарь умственному труду. Чего не доставало, такъ это книгъ, чистыхъ источниковъ древности. На первый разъ кажется, что проще было-бы искать ихъ въ кон-

стантинопольскихъ библіотекахъ, гдѣ находились оригиналы, чѣмъ обращаться къ переводамъ, часто посредственнымъ и на языкѣ, мало пригодномъ для передачи греческой мысли. Но, къ сожалѣнію, религиозные споры породили враждебныя отношенія между латинскимъ міромъ и греческимъ, чрезвычайно обострившіеся послѣ злосчастнаго крестоваго похода 1204-го года. Кромѣ того, у насъ не было знатоковъ греческаго языка и приходилось дожидаться триста лѣтъ, пока явились-бы Лефевръ д'Этапль и Будэ.

За неимѣніемъ подлинниковъ по греческой философіи, — они находились въ византійскихъ библіотекахъ, — пришлось обратиться къ Испаніи и воспользоваться плохими переводами и передѣлками греческой науки. Я ничего не скажу про Герберта; его путешествія по мусульманскимъ странамъ подлежатъ большому сомнѣнію, но, напримѣръ, въ одиннадцатомъ вѣкѣ Константинъ Африканецъ стоитъ выше своихъ современниковъ и соотечественниковъ именно потому, что онъ получилъ мусульманское образованіе. Устроившееся въ Толедо, подъ покровительствомъ Епископа Раймунда, дѣятельное общество переводчиковъ переводитъ въ теченіи времени отъ 1130-го до 1150-го года на латинскій языкъ всѣ самыя замѣчательныя, научныя арабскія сочиненія. Въ самыхъ первыхъ годахъ тринадцатаго столѣтія парижскій университетъ привѣтствуетъ появленіе арабскаго Аристотеля. Западъ вышелъ изъ ничтожества, длившагося четыреста, или пятьсотъ лѣтъ. До сихъ поръ въ научномъ отношеніи мусульманскія страны держали Европу въ своей зависимости. Около половины тринадцатаго вѣка положе-

ніе дѣль неясно. Наконецъ, приблизительно съ 1275-го года, два движенія точно опредѣляются: съ одной стороны мусульманскія страны клонятся все къ большому и самому печальному умственному упадку; съ другой стороны западная Европа самостоятельно и рѣшительно выступаетъ на широкій путь научнаго изслѣдованія истины — путь, подобный гигантской дугѣ, хорда которой еще не можетъ быть измѣрена.

Горе тому, кто становится лишнимъ въ дѣлѣ чело-вѣческаго прогресса! Почти тотчасъ онъ осужденъ исчезнуть. Послѣ того какъ наука, именуемая арабской, вдохнула свою жизненную силу латинскому западу, она исчезаетъ. Въ то время, какъ въ латинскихъ школахъ слава Аверроеса почти равняется Аристотелевской, единовѣрцы его забываютъ. Приблизительно послѣ 1200-го года, нѣтъ болѣе ни одного, сколько-нибудь извѣстнаго, арабскаго философа. Философія всегда была преслѣдуема въ нѣдрахъ ислама, но такъ, что ее не удавалось заглушить. Съ 1200-го года реакція теологическаго характера окончательно одерживаетъ перевѣсъ. Философія упраздняется въ мусульманскихъ странахъ. Историки и полиграфы говорятъ о ней лишь какъ о воспоминаніи и какъ о плохомъ воспоминаніи. Философскія рукописи уничтожаются и становятся рѣдкими. Астрономія терпима настолько, насколько она служитъ для опредѣленія положенія, принимаемаго при молитвѣ. Вскорѣ гегемонія въ исламѣ переходитъ къ турецкому племени, и вездѣ станетъ замѣтно, что послѣднему вовсе не присущъ духъ философскаго и научнаго изслѣдованія. Съ этой минуты, за немногими рѣдкими исключеніями, въ родѣ Ибнъ-

3 | Хальдуна — не встрѣтится ни одного мыслителя, отличающагося шириною взглядовъ, въ рядахъ ислама: онъ задушил въ своихъ нѣдрахъ науку и философію.

56.
12, 13^{ac} | Я не старался, милостивые государи, унижить роль, сыгранную этой великой наукой, называемой арабской; которая составляла столь важную эпоху въ исторіи человѣческаго развитія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преувеличивали ея самостоятельное значеніе, напримѣръ, касательно астрономіи; но не слѣдуетъ впадать въ другую крайность и цѣнить ее слишкомъ мало. Между исчезновеніемъ античной цивилизаціи въ шестомъ вѣкѣ и зарожденіемъ европейскаго генія въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ было то, что можно назвать арабскимъ періодомъ, когда человѣческая мысль сохранялась и передавалась въ странахъ ислама. Что въ этой наукѣ, называемой арабской, дѣйствительно арабскаго? Языкъ, только языкъ. Мусульманскія завоеванія распространили языкъ Геджаса по всему свѣту. Съ арабскимъ языкомъ произошло то же самое, что впоследствии съ латинскимъ, который служилъ на западѣ для выраженія чувствъ и мыслей, не имѣвшихъ ни малѣйшаго отношенія къ древнему Лаціуму. Аверроесъ, Авиценъ, Альбатени столько же Арабы, сколько Альбертъ Великій, Рожеръ Баконъ, Францискъ Баконъ и Спиноза — Латиняне. Приписывать арабскую науку и философію Аравіи — такое же точно недоразумѣніе какъ приписывать городу Риму всю христіанскую латинскую литературу: всѣхъ схоластиковъ, возрожденіе и всю науку шестнадцатаго и, отчасти, семнадцатаго вѣка по тому, что все это написано по латынѣ. Заслуживаетъ большаго вниманія то обстоятельство, что

между философиами и учеными, именуемыми арабскими, только одинъ Альгинди арабскаго происхожденія; всѣ же прочіе — Персы, Трансоксійцы, Испанцы, уроженцы Бухары, Самарканда, Кордовы и Севили. Они не только не Арабы по крови, но не имѣютъ ничего арабскаго и по духу. Они говорятъ по-арабски, но это ихъ стѣсняетъ, также какъ средневѣковыхъ мыслителей стѣснялъ латинскій языкъ, который они передѣлывали по своему. Арабскій языкъ, будучи очень поэтичнымъ и весьма пригоднымъ для извѣстнаго рода краснорѣчія, совсѣмъ неудобенъ для метафизики. Вообще арабскіе ученые и философы — довольно плохіе писатели.

Итакъ эта наука не арабская. Насколько же она мусульманская? Оказала-ли религія пророка какую-нибудь помощь или покровительство изслѣдованіямъ рационалистовъ? Нѣтъ, нисколько. Честь великаго научнаго движенія принадлежитъ всецѣло парсистамъ, христіанамъ, Евреямъ и Гарранцамъ и Измаелитамъ, т.-е. мусульманамъ, въ глубинѣ души возставшимъ противъ своей религіи. Правовѣрные мусульмане посылали ему только проклятія. Мамунъ, калифъ всѣхъ больше заботившійся о распространеніи греческой философіи, былъ безпощадно проклятъ теологами. Бѣдствія, омрачившія его царствованіе, были объясняемы, какъ небесная кара за его снисходительность къ доктринамъ, постороннимъ исламу. Нерѣдко для успокоенія толпы, взволнованной имамами, сжигали на площадяхъ или бросали въ колодцы и цистерны сочиненія по философіи и астрономіи. Занимавшихся этими науками называли „вендиками“ (нечестивцами), имъ наносили удары на улицахъ, сжигали ихъ

жилица, а иногда, чтобы расположить къ себѣ чернь, власти предавали ихъ смерти.

Итакъ религія Магомета всегда преслѣдовала науку и философію и подъ конецъ задушила ихъ. Только слѣдуетъ различать въ исторіи ислама два періода: первый — отъ его появленія и до двѣнадцатаго вѣка и второй — съ тринадцатаго столѣтія и до нашего времени. Въ первомъ періодѣ исламъ ослабляется расколами и сдерживается нѣкоторымъ протестантизмомъ (то, что называютъ мотазелизмомъ), онъ гораздо менѣе организованъ и фанатиченъ, чѣмъ во второй половинѣ слѣдующей эпохи, когда онъ распространяется между татарской и берберской расой, племенами грубыми, неповоротливыми и ограниченными. Религія пророка представляетъ ту особенность, что вѣра его послѣдователей все усиливалась. Первые Арабы, принявшіе участіе въ религиозномъ движеніи, едва вѣрили въ назначеніе пророка. Въ теченіи двухъ или трехъ вѣковъ они почти не скрываютъ своихъ сомнѣній. Потомъ наступаетъ абсолютное владычество догмата, такъ что всякое различіе духовнаго и свѣтскаго элемента немислимо; вводятся право принужденія и тѣлесныя наказанія для тѣхъ, кто не соглашается, словомъ сказать, цѣлая система преслѣдованій, которую превзошла только испанская инквизиція. Никакая организація общества не наноситъ больше ущерба свободѣ, чѣмъ та, гдѣ религиозный догматъ неограниченно царитъ и господствуетъ въ гражданской жизни. Мы можемъ привести только два примѣра такого образа правленія въ новѣйшее время: государства мусульманскія и прежняя папская область, во времена

свѣтской власти папъ. Да и то надо сказать, что папское владычество простиралось на очень небольшую сравнительно страну, тогда какъ исламъ тяготитъ собою огромныя пространства на земномъ шарѣ и удерживаетъ въ нихъ понятія, совершенно противныя идеѣ прогресса, именно понятіе государства, опирающагося на какое-то откровеніе и понятіе религиознаго догмата, управляющаго обществомъ.

Либералы, защищающіе исламъ, не знаютъ его. Исламъ—это безразличное смѣшеніе всего свѣтскаго съ духовнымъ, это владычество догмата, это самыя тяжелыя цѣпи, въ которыя когда-либо человѣчество было заковано. Я повторяю: въ началѣ среднихъ вѣковъ исламъ терпѣлъ философію, такъ какъ не могъ помѣшать ея существованію, а не могъ потому, что самъ еще не былъ сплоченъ и хорошо организованъ для террористическихъ цѣлей. Полицейскія обязанности исправлялись христіанами, и въ то время вниманіе было обращено на преслѣдованіе попытокъ фамиліи Алидовъ. Много оставлялось безъ вниманія. Но разъ исламъ сталъ располагать пламенно вѣрующими массами, онъ все подавилъ. Религиозный терроръ и лицемѣріе начали господствовать. Исламъ былъ либераленъ, пока былъ слабъ; взошедши въ силу, онъ дѣлается деспотичнымъ. Не будемъ же того ему приписывать, чему онъ только не былъ въ состояніи помѣшать. Относитъ къ исламу философію и науку, которыхъ онъ не могъ заглушить, все равно, что чествовать богослововъ за открытія современной науки. Эти открытія были совершены помимо воли богослововъ. Западная теологія отличалась такою же не-

X терпимостью, какъ мусульманская. Разница въ томъ, что ей не посчастливилось и не пришлось стереть съ лица земли современной мысли, что удалось исламу съ тѣми странами, которыми онъ завладѣлъ. Религіозныя гоненія восторжествовали на нашемъ западѣ всего въ одной странѣ — въ Испаніи. Тамъ система страшнаго угнетенія погубила духъ научнаго изслѣдованія. Поспѣшимъ оговориться, несомнѣнно, что эта прекрасная страна опять поднимется. Съ мусульманскими странами произошло то, что случилось-бы съ Европой, если-бы инквизиція, Филиппъ II и папа Пій V осуществили свои планы и остановили-бы развитіе человѣческаго разума. Признаться, я по крайней мѣрѣ не могу питать благодарности къ людямъ за то, что они не причинили того зла, причинить которое они и не были въ состояніи. Нѣтъ, религіозныя ученія имѣютъ свои великія и прекрасныя минуты, когда онѣ поддерживаютъ и утѣшаютъ насъ, бѣдное человечество, подверженное различнымъ слабостямъ; однако не должно благодарить ихъ за то, что дѣлалось помимо ихъ воли, чему они стремились помѣшать. Не въ обычаѣ наследовать имущество тѣхъ, кого убьешь; не должно приписывать гонителямъ труды лицъ, ими угнетаемыхъ.

А вѣдь это дѣлаютъ, когда приписываютъ вліянію ислама то умственное движеніе, которое произошло помимо ислама, вопреки исламу и, которому исламъ, по счастью, не могъ воспрепятствовать. Хвалить исламъ за Авицену, Авенцоара и Аверроеса было бы столь же странно, какъ прославлять за Галиллея католицизмъ. Теологія сильно стѣсняла Галиллея и, если ей не уда-

лось остановить его изслѣдованій, то это обстоятельство не даетъ ей еще права на большую признательность. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія бросить слово осужденія одному изъ тѣхъ символовъ, въ которыхъ человѣческая совѣсть думала найти успокоеніе отъ волновавшихъ ее, неразрѣшимыхъ вопросовъ о мірѣ и его судьбѣ. Какъ религія, исламъ имѣетъ много хорошихъ сторонъ, всякій разъ, когда я заходилъ въ мечеть, я бывалъ растроганъ и даже... какъ будто сожалѣлъ, что я не мусульманинъ. Однако для развитія человѣческаго разума исламъ былъ только вреденъ. Безъ сомнѣнія, тѣ умы, которымъ онъ закрылъ доступъ къ свѣту науки, были сами по себѣ ограничены; но онъ преслѣдовалъ проявленіе свободной мысли, не скажу сильнѣе чѣмъ другія религіозныя системы, но болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Тѣ страны, которыя онъ покорилъ, сдѣлались неспособны къ рациональному развитію ума.

Въ самомъ дѣлѣ, мусульманинъ отличается по преимуществу ненавистью къ наукѣ, онъ убѣжденъ, что всякое изслѣдованіе излишне, неважно, почти нечестиво: изученіе природы по тому, что это значитъ какъ-бы состязаться съ Богомъ, а историческая наука имѣетъ своимъ предметомъ времена, предшествовавшія исламу, и могла-бы воскресить прежнія заблужденія. По этому поводу весьма интересно свидѣтельство шейха Рифаа; онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, въ качествѣ священника при египетской школѣ, и, возвратясь въ Египетъ, написалъ сочиненіе, гдѣ много самыхъ любопытныхъ замѣтокъ о французскомъ обществѣ. Онъ вполне убѣжденъ, что вся европейская наука отъ перваго и до

последняго слова — ересь, въ особености ея основное положеніе о неизмѣнности законовъ природы и, надо сказать, что, съ точки зрѣнія ислама, онъ правъ. Откровенный догматъ всегда противится свободному изслѣдованію, которое можетъ его опровергнуть. Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій научной дѣятельности является удаленіе божественнаго элемента изъ міра конкретныхъ фактовъ, гдѣ его присутствіе предполагалось прежде: я говорю только удаленіе, это еще не значитъ отрицаніе. Передъ методомъ опыта элементъ сверхъестественнаго отстываетъ и его область ограничивается; а вѣдь сверхъестественное и бываетъ основаніемъ всякой религіи. Относясь къ наукѣ, какъ ко врагу, исламъ только послѣдователенъ, но иногда опасно отличаться слишкомъ большей послѣдовательностью, что и случилось съ исламомъ къ его несчастью. Убивши науку, онъ убилъ самого себя и обрекъ себя на полнѣйшее ничтожество въ мірѣ.

Тотъ, кто отправляется отъ мысли, что всякое изслѣдованіе естъ посягательство на права Бога, тотъ неизбежно впадаетъ въ умственную лѣность и теряетъ способность размышлять точно и отчетливо. „Алла ааламъ“ — „Богъ лучше знаетъ въ чемъ дѣло“, вотъ послѣднее слово каждаго спора между мусульманами. Лейардъ въ первое время своего пребыванія въ Моссулъ захотѣлъ ознакомиться, какъ человекъ пытливаго ума, съ нѣкоторыми данными о населеніи города, его торговлѣ и историческихъ преданіяхъ. Онъ обратился къ кади; послѣдній написалъ ему въ отвѣтъ слѣдующее письмо, переводомъ котораго я обязанъ одному другу.

„Знаменитый другъ мой,
радость живущихъ!“

То, о чемъ ты меня спрашиваешь, бесполезно и вредно. Хотя всѣ мои дни протекли въ этой странѣ, но мнѣ никогда не приходило въ голову считать дома или освѣдомляться о числѣ ихъ жителей. Что же до того, сколько этотъ навьючиваетъ товаровъ на своихъ муловъ, или сколько тотъ нагружаетъ ихъ на свое судно, то право это меня совершенно не касается. Относительно прежней исторіи этого города одинъ Богъ ее знаетъ, и онъ одинъ могъ-бы рассказать о томъ, въ какихъ заблужденіяхъ проводили жизнь ея обитатели до побѣды ислама. Для насъ было-бы опасно узнать ее.

„Другъ мой, овечка моя, не старайся узнать того, до чего тебѣ нѣтъ дѣла. Ты пришелъ къ намъ, и мы радушно приняли тебя; уходи съ миромъ! Конечно всѣ слова, которыя ты мнѣ сказалъ не причинили мнѣ никакого вреда, такъ какъ тотъ, кто говоритъ, одинъ человекъ, а тотъ, кто слушаетъ,—другой. По обычаю людей твоего народа ты посѣтилъ много странъ и, наконецъ, нигдѣ не находишь счастья. Мы же, (благословенъ будь Богъ), мы родились здѣсь и не желаемъ отсюда уѣхать.

„Послушай сынъ мой, нѣтъ высшей мудрости какъ вѣрить въ Бога. Онъ создалъ міръ; можемъ-ли мы пробовать съ нимъ равняться, стараясь проникнуть въ тайну его созданія? Посмотри на эту звѣзду, которая описываетъ круги около той; посмотри на эту другую, за ней еще тянется хвостъ, она черезъ столько лѣтъ приближается и черезъ столько удаляется; не безпокойся о ней

сынъ мой; тотъ, чьи руки ее создали сумѣеть указать ей путь и направить ее.

„Но ты, можетъ быть, скажешь мнѣ: „о человѣкъ, удались, я ученѣ тебя и видѣлъ такія вещи, о которыхъ ты не имѣешь понятія!“ Если ты полагаешь, что онѣ сдѣлали тебя лучше меня, то я вдвойнѣ привѣтствую твой приходъ, но я благословляю Бога за то, что не ищу того, что мнѣ ненужно. Ты обученъ вещамъ, которыя меня не занимаютъ и которыми я пренебрегаю. Много науки создастъ-ли тебѣ второй желудокъ, и твои глаза, которые стараются заглянуть повсюду, укажутъ-ли они тебѣ путь въ рай?

„Другъ мой, если ты хочешь быть счастливымъ, то воскликни: „одинъ Богъ есть Богъ“. Не дѣлай зла и тогда ты не будешь бояться ни людей, ни смерти, ибо и твой часъ настанетъ“.

Этотъ кади, съ своей точки зрѣнія, хорошій философъ, но вотъ въ чемъ разница. Мы находимъ премилыми какъ письмо кади, такъ и его самого; онъ же нашель-бы то, что мы здѣсь говоримъ, отвратительнымъ. Впрочемъ, лишь для общества пагубны результаты подобнаго настроенія. Два явленія могутъ вытекать изъ отсутствія научной мысли — суевѣріе или догматизмъ, изъ нихъ второе, можетъ быть даже хуже перваго. Востокъ не суевѣренъ, его великое зло — узкій догматизмъ, навязываемый силою всему обществу. Цѣль человѣчества не есть бездѣйствіе въ покорномъ невѣжествѣ, но она состоитъ въ безпощадной войнѣ съ ложью, въ борьбѣ со зломъ.

Наука — душа общества, такъ какъ наука — это разумъ. Она создаетъ военное и промышленное превосход-

ство. Она создастъ нѣкогда и превосходство общественнаго строя, я имѣю въ виду состояніе общества, гдѣ будетъ такое количество справедливости, какое вообще совмѣстимо съ міровою сущностью. Наука заставляетъ силу служить разуму. Въ Азіи находятся и теперь элементы варварства, подобные тѣмъ, которые образовали первыя мусульманскія арміи и эти великіе циклоны Аттилы и Чингисъ-хана. Но наука заграждаетъ имъ путь. Еслибъ Омаръ, еслибъ Чингисъ-ханъ встрѣтили передъ собою хорошую артиллерію, они не вышли-бы за предѣлы своей пустыни. Не слѣдуетъ останавливаться на минутныхъ заблужденіяхъ. Чего только не говорили въ началѣ противъ огнестрѣльнаго оружія, оно, однако, значительно содѣйствовало побѣдѣ цивилизаціи. Чго до меня касается, то я глубоко убѣжденъ, что наука есть благо, что она одна доставляетъ оружіе противъ того зла, которое можно съ нею совершить, что, наконецъ, она будетъ служить одному прогрессу, я разумѣю тотъ истинный прогрессъ, неразрывно связанный съ уваженіемъ къ человѣку и его свободѣ.